Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Коммунистическая партия Советского Союза

Издается с апреля 1924 года. До октября 1952 года выпускался под названием «Большевик»

Теоретический и политический журнал Центрального Комитета КПСС

ВЫХОДИТ ОДИН РАЗ В 20 ДНЕЙ ★ 16 (1350) НОЯБРЬ 1989

Содержание

МОСКВА ★ ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Интервью на тему дня

Перспективы экономической реформы, денежно-финансового оздоровления, стабилизации рынка сегодня находятся в центре внимания общественности. Ученые-экономисты, хозяйственники, политические деятели предлагают различные оценки существующих в этой сфере проблем и альтернативы их решения. Журнал «Коммунист» намерен широко предоставлять свои страницы для их изложения. Очевидно, наибольший интерес представляет позиция новых руководителей общеэкономических ведомств. Ниже мы публикуем два интервью, которые корреспонденты журнала А. Васильев и А. Улюкаев взяли у председателя Государственного комитета СССР по ценам В. К. СЕНЧАГОВА и председателя правления Госбанка СССР В. В. ГЕРАЩЕНКО.

АНАТОМИЯ ЦЕНЫ

Вячеслав Константинович Сенчагов — доктор экономических наук, профессор. Он автор более ста статей и ряда книг, посвященных проблемам развития хозяйственного механизма и его финансово-кредитным аспектам. Около двадцати лет проработал в научно-исследовательских институтах, в том числе Министерства финансов и Госплана СССР. Член Международного института Государственных финансов. В 1987 году назначен заместителем министра финансов СССР. С июля 1989 года председатель Государственного комитета СССР по ценам.

— Вячеслав Константинович, наверное, ни один из специалистов, рисуя нынешнюю экономическую ситуацию в стране, не рискнет прибегнуть к радужным тонам. Положение сложилось серьезное, и требуются смелые, неординарные решения для его выправления. Какие меры, на ваш взгляд, необходимо прежде всего принять?

— Мы находимся в полосе социально-экономического кризиса. И сами его условия требуют от нас холодного рассудка, взвешенного подхода ко всем проблемам, учета опыта социалистических и капиталистических стран. Что изменилось в нашей жизни? Основным субъектом экономики стало предприятие, производитель материальных ценностей. Это был первый шаг к созданию нового хозяйственного механизма. Однако даже закрепление его правового статуса в целом комплексе законов еще не означает перехода к новым формам хозяйствования. Нужно еще наладить его нормальное функционирование. Вот здесь, по-моему, очень многое зависит от правильно проводимой налоговой, процентной и ценовой политики, которая образует систему стимулирования производства.

В качестве варианта некоторые меры хотел бы предложить и я. Для начала следовало бы уменьшить налоговый нажим государства на производителя, иначе у него не будет стремления к росту эффективности производства. Вообще должен заметить, что в Советском Союзе уровень налогообложения по отношению к валовому национальному продукту выше, чем во многих странах, и составляет более 33 процентов. Поэтому сейчас задача состоит в том, чтобы снизить налоги в местах создания самого дохода и увеличить налогообложение личных доходов, что позволит нам решать многие социальные вопросы, перераспределяя средства в пользу малообеспеченных групп. Но действовать нужно осторожно. Крайние меры могут подорвать интерес к труду.

Больше внимания надо обращать и на регулирование всего денежного рынка. Ведь сегодня денежная масса существенно превосходит товарное обеспечение. Как изъять из обращения лишние деньги? Выход я вижу в новой процентной политике, которая бы способствовала увеличению вкладов населения в сберегательные банки. Размеры среднего вклада в нашей стране не так уж велики — 1,5 тысячи рублей. Основную массу вкладчиков составляют люди среднего достатка. Заставить их понести деньги в банк, быть более бережливыми можно, увеличив процент на вклад. Сейчас он до смешного мал — 2,4—2,5 процента. Но, с другой стороны, есть среди клиентов банков и люди с очень высокими доходами. Реализуя принцип социальной справедливости, применительно к ним следовало бы использовать низкий процент.

— Едва ли все согласятся с вашей идеей. Тем более что для ее проведения в жизнь нужна строгая система учета доходов. Во многих капиталистических странах давно уже столкнулись с противоречием между потребностями налоговой системы и тайной банковских вкладов.

— Конечно, рассчитывать на быструю реализацию этого предложения наивно. Но тем не менее остаюсь при своем убеждении, что роль процента чрезвычайно велика. Хотя возможны и другие методы овладения денежной массой. Например, Госплан должен планировать не просто валовой национальный продукт или национальный доход, а рассчитывать эти общие объемные величины обязательно в сочетании со всей денежной массой, находящейся в наличном и безналичном обороте. Можно взять и другую модель, в которой ведущая роль отводилась бы Государственному банку. Он бы определял общую массу денег, устанавливал соответствующие лимиты, регулировал деятельность специализированных и коммерческих банков. Но, пожалуй, ему это пока не под силу. Нет у него для этого ни кадров, ни техники. Какой бы мы вариант ни избрали, главное сейчас — ликвидировать дисбаланс финансовых и материальных ресурсов.

— Вы, как и многие экономисты в нашей стране, видите основную причину бед в бюджетном дефиците?

— Безусловно, нужно стремиться к тому, чтобы избавиться от него, но давайте не забывать о сложности этого явления, корни которого лежат в ненормальном развитии нашей экономики, отягощенной добывающими отраслями, оборонным комплексом. Она ориентирована на преимущественный рост средств производства, продукции промышленности группы «А», что, кстати говоря, уже в 30-х годах породило инфляцию и привело к карточной системе. Как нигде в мире, у нас низка доля продукции промышленности группы «Б». На протяжении десятилетий она колеблется в пределах 25—26 процентов, тогда как в развитых капиталистических странах — 30—35. Например, на развитие легкой промышленности мы пока выделяем всего 1 процент капитальных вложений. Между тем отрасль дает 10 процентов всех накоплений.

С такой несовершенной структурой мы вошли в экономическую реформу, и система новых экономических нормативов не смогла сразу ее выравнять, обеспечить перелив производственных и финансовых ресурсов в потребительский сектор экономики. Поэтому я не могу согласиться с заявлениями вроде тех, что, если мы в течение двух лет ликвидируем бюджетный дефицит, все проблемы исчезнут сами. Думать так — значит заменить натурально-вещественный фетишизм на финансовый. В бюджетном дефиците как таковом еще ничего страшного нет. Это всего лишь превышение расходов над доходами. А если в расходах значительную роль играют большие капиталовложения, которые, как известно, не сразу дают отдачу, то дефицит вполне естествен. У нас

он, правда, давно превысил все разумные пределы, и его необходимо сокращать. Но не сразу, а постепенно, поскольку уменьшение бюджетного дефицита несет не только блага, но и потери. К примеру, замораживается строительство какого-то крупного объекта, следовательно, высвобождается рабочая сила, которая требует перегруппировки и направления в другие отрасли. А для этого нужны новые средства: на переподготовку кадров, переселение в другие районы, создание новых рабочих мест, строительство жилья и прочих объектов социальной инфраструктуры. Именно поэтому я считаю, что процесс ликвидации бюджетного дефицита должен занимать не меньше 5—7 лет. Иначе мы еще больше осложним положение в экономике.

— Ликвидация бюджетного дефицита не самоцель. Этот процесс должен быть подчинен решению еще более серьезной и важной задачи — стабилизации денежного обращения. Она может идти по разным направлениям. Два из них вы назвали — активизация процентной политики и поэтапное сокращение бюджетного дефицита.

— Сегодня спрос вырвался за рамки реального увеличения объема производства товаров и услуг. Он растет в темпе 10—12 процентов в год, тогда как в предыдущей пятилетке — 3—4 процента. Удастся ли добиться равновесия только за счет опережения темпов прироста продукции промышленности группы «Б», более полного насыщения потребительского рынка товарами и услугами? По всей видимости, нет. Но есть и другие меры. Надо развивать рынок ценных бумаг, шире проводить государственные займы. Министерство финансов собирается разместить на предприятиях, имеющих остатки свободных средств, заем на сумму 48 миллиардов рублей. Я не склонен думать, что эта акция очень просто пройдет. Предприятия сегодня предпочитают материальные ресурсы, которые заменяют деньги как всеобщий эквивалент. Что же касается «откачки» излишних денег у населения, то есть намерения выпускать казначейские билеты. Конечно, обе меры ведут к увеличению государственного долга, который уже в этом году составит 400 миллиардов рублей. В сложившихся условиях я бы приоритет отдал другому более гибкому элементу рынка ценных бумаг — акциям. Они сделают осязаемой для каждого человека связь между вложением средств и их отдачей.

— Если бы мы анализировали проблемы цен в условиях развитой рыночной экономики, то все, о чем вы говорили, это и есть основа управления ценами. Но пока положение другое. И характеризуется оно деформированной структурой цен, которые искажают экономическую информацию и вместе с тем стоят на пути любой перестройки хозяйственного механизма.

— Действующая система цен складывалась десятилетиями и впитала в себя все пороки нашего развития. Она не соответствует задачам интенсификации производства, оторвана от общественно необходимых затрат и, что, пожалуй, самое главное, не учитывает реальных соотношений в потребительской ценности различных товаров и требований социалистического рынка. Цены в топливных отраслях примерно в два раза ниже мировых. Это порождает иллюзию дешевизны природных богатств, толкает нашу промышленность и внешнюю торговлю на экстенсивный путь увеличения добычи и продажи энергоносителей. Сегодня в себестоимости продукции отражается только половина затрат на социальное страхование, другая половина, а это 30 миллиардов рублей, финансируется из государственного бюджета. Следствие — дешевизна рабочей силы, сужение границ внедрения новой техники. Неполный учет в ценах затрат на социальное страхование существенно осложняет поиск источников решения пенсионной проблемы, требующего примерно 28—30 миллиардов рублей.

Как известно, цены являются главным измерителем полезности и

эффективности для общества затрат труда и именно поэтому они призваны поддерживать эквивалентность обмена между отраслями и регионами. На практике это условие нарушается. Уровень рентабельности сильно колеблется по отраслям и видам продукции.

Самый большой перекос сложился между закупочными и розничными ценами. Нарушены их единство и взаимообусловленность. Розничные цены на продовольствие намного ниже, чем закупочные. Разница между ними покрывается из бюджета в виде дотаций. По данным за 1988 год, расходы государственного бюджета на возмещение разниц в ценах составили 91,5 миллиарда рублей.

Очень велик соблазн восстановить нарушенные пропорции в системе цен одним махом, вписав все неучтенные затраты в оптовые и закупочные цены, ликвидировать дотации и повысить соответственно розничные цены. Но эта концепция, на мой взгляд, требует критической оценки и в сложившихся условиях практически неприемлема.

— Тем не менее известно, что последние два года шла большая работа по подготовке реформы оптовых и розничных цен. Для оптовых были подготовлены даже прейскуранты.

— Да, это так. Но реформа замышлялась еще в 1987 году, и положение было несколько иным. Тогда она легче вписывалась в хозяйственный механизм, в котором ведущую роль играли прямые директивные методы. Единовременный пересмотр цен в тех условиях не нарушал ценностных соотношений, скажем, между колхозным сектором и государственным, гарантировал от возможных потерь. Ну, естественно, в определенных границах, поскольку идеальной схемы не существует. Сегодня ситуация сложнее. Хозяйствует у нас уже не одно государство. Есть кооперативы, возросла роль индивидуального труда, развиваются акционерные формы управления. Да и многие государственные предприятия живут теперь за счет заработанных средств, находятся на самофинансировании. Собственников становится все больше. Налицо другая модель, и, следовательно, нужна и другая система цен, над которой мы сейчас начали работу. Но что делать с теми прейскурантами, которые уже были составлены? Думаю, что они нам пригодятся.

Есть мысль использовать их для оптимизации планов предприятий. Мы хотим ввести их как бы условно. Пусть экономисты просчитают показатели в старых и новых ценах, посмотрят, дают ли они им что-нибудь, как меняется прибыль. Фактически это будет деловая игра в масштабах целой страны. Лишь бы ее участники соблюдали правила. А то, честно говоря, уверенности, что комитет получит достоверную информацию, у меня нет. Те, кто выигрывает от новых цен, промолчат, ну а проигрывающие будут кричать о своих потерях. Но «игру» проводить надо: подобная прикидка даст возможность хотя бы немного спрогнозировать поведение предприятий в новых условиях.

В новых ценах вызывает обеспокоенность большой масштаб их изменений, которые составляют 240 миллиардов рублей, или более 30 процентов национального дохода. Такого повышения оптовых цен наша экономика еще ни разу не «переваривала». Как показывает опыт 1967 года, эта реформа может затронуть и розничные цены. Поэтому, наверное, было бы целесообразно рассмотреть альтернативные варианты изменения оптовых цен.

— Как найти пути к развитию рыночного ценообразования в современной непростой экономической ситуации, когда спрос существенно превышает предложение?

— Думаю, что надо искать варианты сочетания твердых государственных, или, как их еще называют, прейскурантных цен с договорными, коммерческими. Допустим, в рамках государственного заказа

действует прейскурантная цена, а сверх того коммерческая или договорная, но в определенном лимите, то есть она не должна превышать прейскурантную более чем на 20—30 процентов. Тогда бы сочетался рыночный механизм установления цен с государственным контролем.

С этой идеей я выступал недавно на советско-шведском «круглом столе». Шведские экономисты выразили сомнение в необходимости лимита; его функции, по их мнению, выполняет баланс спроса и предложения. Но у нас-то несбалансированность огромная. А значит, существуют условия для совершенно неоправданного повышения цен. Ведь для чего производится обычно повышение цен? Почему они должны быть выше на новые изделия? В первую очередь для того, чтобы создать источники дополнительных накоплений для расширения производства. После того как рынок насыщается, цена падает. Так оно должно быть. Но у нас этого механизма нет. Поэтому я думаю, что на какой-то период нам нужен лимит. Постепенно мы будем от него отходить с тем, чтобы с помощью только цен многократно в большей мере, чем сейчас, регулировать соотношение между спросом и предложением.

Есть и еще один вариант. Он в том, чтобы на важнейшие виды продукции установить твердые цены, а на остальные — договорные. В какой-то мере мы попробуем его провести в отношении плодоовощной продукции. Но опять же действовать надо очень осторожно. Останавливает нас то, что по этой группе товаров самый высокий индекс роста цен.

Можно пойти и на поэтапное изменение оптовых цен, рассмотрев возможности сокращения общего объема их увеличения; например, в связи с намечаемой налоговой реформой нужно, вероятно, отказаться от платы за фонды и тем самым уменьшить давление высокой фондоемкости продукции добывающих отраслей на общий уровень рентабельности и цен.

— Учитываете ли вы в будущей реформе цен плату за природные ресурсы?

— Что касается природных ресурсов, то здесь предусмотрены рентные платежи в размере 27 миллиардов рублей. Но это, конечно, не лучший вариант. Само по себе введение ренты не гарантирует, что мы правильно подойдем к оценке полезных ископаемых. Стратегически, возможно, единственный реальный путь — развитие акционерных форм собственности, позволяющее оценить эффективность природных ресурсов через котировку на рынке ценных бумаг.

Но об этом говорить пока рано. У нас нет цен даже на землю. Вот сейчас Моссовет пытается ввести плату за каждый гектар, и все приходят в недоумение, так как привыкли к тому, что земля ничего не стоит.

Что же касается воды, то здесь основную роль должны играть научно-экспертные методы оценки. Нужны нормы потребления, а сверх этих норм могут действовать запретительные или штрафные санкции.

— Сейчас широко обсуждается вопрос о целесообразности замораживания цен. Как вы относитесь к этой идее?

— По-моему, это совершенно нереально. Провести такой закон — значит заморозить развитие всей экономики. Другое дело, что реформа всего ценообразования в стране не может быть проведена в виде единовременного акта. Она потребует продолжительного периода, скорее всего всю тринадцатую пятилетку. Реформа должна осуществляться в общей взаимосвязи с мерами по укреплению пропорций между количеством и качеством товаров и услуг для населения и количеством денег в наличном и безналичном оборотах, с развитием нового хозяйст-

венного механизма, поэтапным созданием основ социалистического рынка и преодолением монополизма производителей.

Необходимо увеличить перечень товаров, по которым цены могут устанавливать республиканские органы, что определяется новым подходом к суверенитету союзных республик, расширением их прав в определении региональной отраслевой структуры производства. Нужно решительнее идти по пути более широкого применения договорных цен.

Реформа цен не должна привести к потерям в доходах сельского хозяйства и населения. Если это не удастся прямо отрегулировать через взаимные расчеты выигрышей и потерь, то необходимо разработать стабилизационные подстраховочные механизмы.

И наконец, в связи с преодолением замкнутости нашей экономики, вхождением ее в мировое разделение труда новую систему цен предстоит строить с учетом пропорций мировых цен. Речь идет не о прямом перенесении цен с западного рынка, а только об учете соотношения между ними. Это позволит правильно определять экономическую эффективность производства тех или иных видов продукции, своевременно учитывать меняющиеся условия конкуренции.

Особо хотел бы сказать о розничных ценах. Их уровень и динамика прямо влияют на условия существования миллионов людей, определяют потребительские ориентиры различных социальных групп. И я хорошо понимаю беспокойство сограждан, которые буквально ежедневно сталкиваются со скрытым или явным удорожанием товаров. Ориентация на прибыль как критерий эффективности и главный источник самофинансирования оживила хозяйственную жизнь, но в условиях диспропорций направила многие предприятия по самому легкому пути — увеличения цен. По нашим расчетам, 30 процентов прироста прибыли в промышленности в прошлом году получено за счет роста цен. Конечно, в определенной мере он связан с улучшением потребительских параметров продукции, но бóльшая его часть — это прямое следствие монопольного положения поставщика, его диктата и давления на потребителя. Это вызывает справедливое возмущение. Мы будем бороться с этим процессом всеми находящимися в нашем распоряжении способами и методами. Но основное условие введения положения в норму — насыщение рынка. Вспомните, как сравнительно недавно в продаже был полный набор самых разных видов холодильников — и за 160 рублей, и за 300, и

Таблица 1

Наименование товаров	Ставка налога с оборота к розничной цене в процентах
Холодильники	39
Мотоциклы	33
Легковые автомобили	64
Часы бытовые	49
Ткани шелковые	47
Чулочно-носочные изделия	40
Текстильная галантерея	53
Фарфоро-фаянсовая посуда	40
Ковры и ковровые изделия	61
Обои	30
Ювелирные изделия	71
Парфюмерия	45
Табачные изделия	33
Водка и ликеро-водочные изделия	94
Коньяк	75
Шампанское	69
Вино виноградное крепленое	62
Масло растительное	31

за 500. Поэтому и появление новых дорогих моделей не воспринималось как трагедия. Каждый мог выбрать себе холодильник по средствам.

Оскудение нашего рынка — главная причина того, что государство вынуждено всю тяжесть высоких цен сконцентрировать лишь на 18 товарных группах, представленных в таблице 1.

Возьмем новые товары, которые могли бы приносить крупные доходы бюджету, например, видеомагнитофоны. При их высокой цене — 2 тысячи рублей — налог с оборота составляет всего один рубль. А дело объясняется просто. Объем их выпуска мал, издержки высокие, финансовая отдача низкая. Поэтому центральная проблема цен — скорейшее увеличение массы потребительских товаров и расширение их ассортимента. Тогда каждый из них будет нести свою финансовую нагрузку, что позволит снизить цены по другим группам.

— Госкомцен должен следить за инфляционными процессами. Есть ли в вашем распоряжении разработки, позволяющие оценить реальные темпы инфляции?

— В Советском Союзе инфляция носит специфический характер. Она состоит из двух компонентов: первый — рост цен по потребительской корзине; второй — обесценивание рубля в связи с нехваткой товаров. Мы совместно с Госкомстатом провели некоторые подсчеты. Индекс средних розничных цен за три года текущей пятилетки составил в целом 107 процентов, в том числе по продовольственным товарам — 111,6 процента, по непродовольственным — 102,8 процента. При этом мясо и птица подорожали на 4 процента, хлебобулочные изделия — на 22,3, картофель — на 21,8, овощи — на 18, одежда и белье — на 13,8, фарфоро-фаянсовая посуда — на 4, холодильники — на 10 процентов, телевизоры — на 27,1 процента. В общей массе цены только за последний год поднялись на 2,3 процента.

Но насколько эти цифры соответствуют истинному положению вещей? Ведь подсчеты охватывают только цены в государственной торговле и в потребительской кооперации. Не учитывают они ни кооперативы, ни рынок, ни тем более черный рынок, который при нехватке товаров занимает в нашей жизни очень большое место. Поэтому я думаю, что реальный индекс текущего года равен скорее всего 3 процентам. Если учесть, что 4,5 процента — это рост инфляции по денежным факторам, проявляющийся в обострении дефицита, то вы получите примерно 8 процентов, с которыми ежедневно и сталкиваются люди.

— Вопрос, который волнует всех,— цены на сельхозпродукцию. Здесь наблюдаются два диаметрально противоположных процесса: очень мощное давление производителей на государственные органы с тем, чтобы были повышены закупочные цены, которые играют роль оптовых, и столь же мощное и понятное желание потребителей приостановить повышение розничных цен. Как вы оцениваете ситуацию в целом?

— Ясно, что в этом вопросе переплетаются интересы народного хозяйства и агропромышленного комплекса, рабочего класса и крестьянства. Сегодня закупочные цены не являются общественным мерилом экономической целесообразности затрат труда, сдерживают процессы специализации производства по товарным зонам. О несовершенстве закупочных цен свидетельствуют многочисленные надбавки, которые настолько дифференцированы, что позволяют безбедно жить и развиваться плохо работающим хозяйствам, не создают заинтересованности в снижении себестоимости продукции. В целом по стране на один рубль выручки по прейскурантным закупочным ценам приходится 40 копеек различных надбавок. По отдельным хозяйствам и даже областям надбавки значительно превышают основные цены.

В ближайшее время мы должны дать правительству варианты новых закупочных цен, которые в случае утверждения войдут в действие с

1 января 1990 года. Основная задача этой акции — стимулировать рациональную специализацию в растениеводстве и в животноводстве. Добиться этого мы надеемся введением на всей территории Советского Союза единых закупочных цен. Они дадут возможность увидеть истинную картину, заставят многие хозяйства, районы и области перепрофилировать производство, станут толчком развитию аренды, индивидуальных форм труда.

При этом многие колхозы и совхозы понесут серьезные потери. Без финансовой поддержки им просто не выжить. Поэтому есть смысл использовать опыт промышленности, где для убыточных предприятий устанавливаются понижающиеся по годам дотации.

Надо будет значительно расширить права республик в установлении закупочных цен. Кроме того, за пределами поставок в общесоюзный фонд может действовать договорная цена, которая будет превышать прейскурантную на 20—30 процентов. Естественно, такой лимит должен быть введен не только на закупочные, но и на розничные цены.

— А каков порядок цифр новых закупочных цен?

— Могу их вам назвать из расчета рубль за тонну:

Таблица 2

Наименование продукции	Действующая цена	Проектируемая цена
Зерновые	193	226
Сахарная свекла	56	61
Табак	4213	4853
Лен-долгунец	1579	2500
Молоко	557	544
Крупный рогатый скот	3108	3560
Свинина	2562	2983
Баранина	2574	2880
Птица	2353	2950

Сейчас проект новых закупочных цен дорабатывается с учетом замечаний Комитета Верховного Совета СССР по аграрным вопросам и продовольствию. В связи с этим указанные данные могут быть уточнены.

— Поднять доходы хозяйств можно и не поднимая закупочные цены. Достаточно снизить цены хотя бы на сельскохозяйственную технику и минеральные удобрения.

— Вряд ли это целесообразно делать в массовом масштабе. Сельскохозяйственное машиностроение — одна из отстающих отраслей. Рентабельность ее колеблется между 15 и 17 процентами, в то время как в приборостроении эта цифра равна 30 процентам. Отрасль сейчас переходит на новые виды продукции, в связи с чем испытывает серьезные финансовые трудности.

Вместе с тем нужно ужесточить условные паритеты в межотраслевом товарообмене между городом и селом. Цены на комбайны возрастут на 34 процента, а закупочные цены на зерно — только на 17 процентов.

— Если говорить о функциях органов ценообразования, то в их перечень должны входить разработки принципов и методов осуществления политики цен, их контроль, анализ и прогнозирование.

— Особенно контроль. В нашу задачу входит предотвращать необоснованный рост цен, изымать прибыль, полученную за счет нарушения стандартов, несоответствия технико-экономическим параметрам

продукции. Для этого мы комплектуем сейчас инспекцию по контролю за ценами. В новую службу войдут 6300 специалистов.

И о прогнозе. Пока эта работа в зачаточном состоянии. Но мы ею уже начинаем заниматься, поскольку четкий прогноз — это основа плана, контуры будущей действительности. Главное — наладить факторный анализ уровня и динамики цен, раскрыть проявляющиеся закономерности и конъюнктурные факторы. Нужно, чтобы каждый человек, соприкасаясь с экономикой, понимал, как образуется цена, знал ее анатомию.

РУБЛЬ ДОЛЖЕН ЕЩЕ ЗАСЛУЖИТЬ СВОЕ ЗВАНИЕ

Виктор Владимирович Геращенко — известный специалист банковского дела, хорошо знающий не только отечественную, но и западную (много лет проработал в наших зарубежных банках) кредитно-денежную теорию и практику. Его концепция перестройки банковской системы выдержала взыскательное обсуждение в Верховном Совете СССР. О ней и идет разговор в предлагаемом материале.

— Наше общество начинает осознавать роль денег в экономике, понимать, что рост цен происходит не просто потому, что плохо работает Госкомцен, а товарный дефицит — не только результат плохой работы Минторга и промышленных министерств, здесь тесная связь с денежным хозяйством. И вместе с тем становится понятно, что все это проблемы политические. Денежное хозяйство страны глубоко расстроено. Но раз вы взялись за него, значит, у вас есть надежда дело поправить. Что вы считаете принципиально важным с точки зрения укрепления рубля в ближайшей перспективе?

— В принципе проблемы денежного обращения — это отражение того состояния экономики, в котором она оказалась. Долгое время у нас и кредит, и денежное обращение были элементами вторичными, служили для достижения определенных экономических и политических целей. При этом далеко не всегда учитывались реальности хозяйствования. Отсюда проблемы и болячки денежного обращения. А их-то в первую очередь и ощущает население через дефицит товаров и услуг. Если мы рамки кредита не ограничиваем какими-то реальными стоимостными факторами, тогда кредитно-денежная эмиссия способствует инфляции. Поэтому первое, над чем, на мой взгляд, необходимо задуматься теоретикам и практикам банковской системы,— определить объективную границу кредита и реальную стоимость денег. Решив это, мы сможем через традиционные банковские методы, денежно-кредитную политику попытаться помочь экономике (понятно, что в один день этого не сделать).

— Но ведь Госбанк всегда в той или иной мере пытался проводить политику разумного ограничения кредитных ресурсов. И если это не получалось, то не потому, что ваши предшественники не понимали, что нельзя раздувать кредит без меры, а потому, что всегда есть достаточно сильные политические факторы, которые не позволяют это сделать. Особенно в условиях нашей экономики, где денежные процессы никогда не рассматривались как первостепенные. На ваш взгляд, в какой степени сейчас, в условиях осознания денежных проблем как приоритетных, открывается возможность того, чтобы вся экономическая политика работала на твердый рубль?